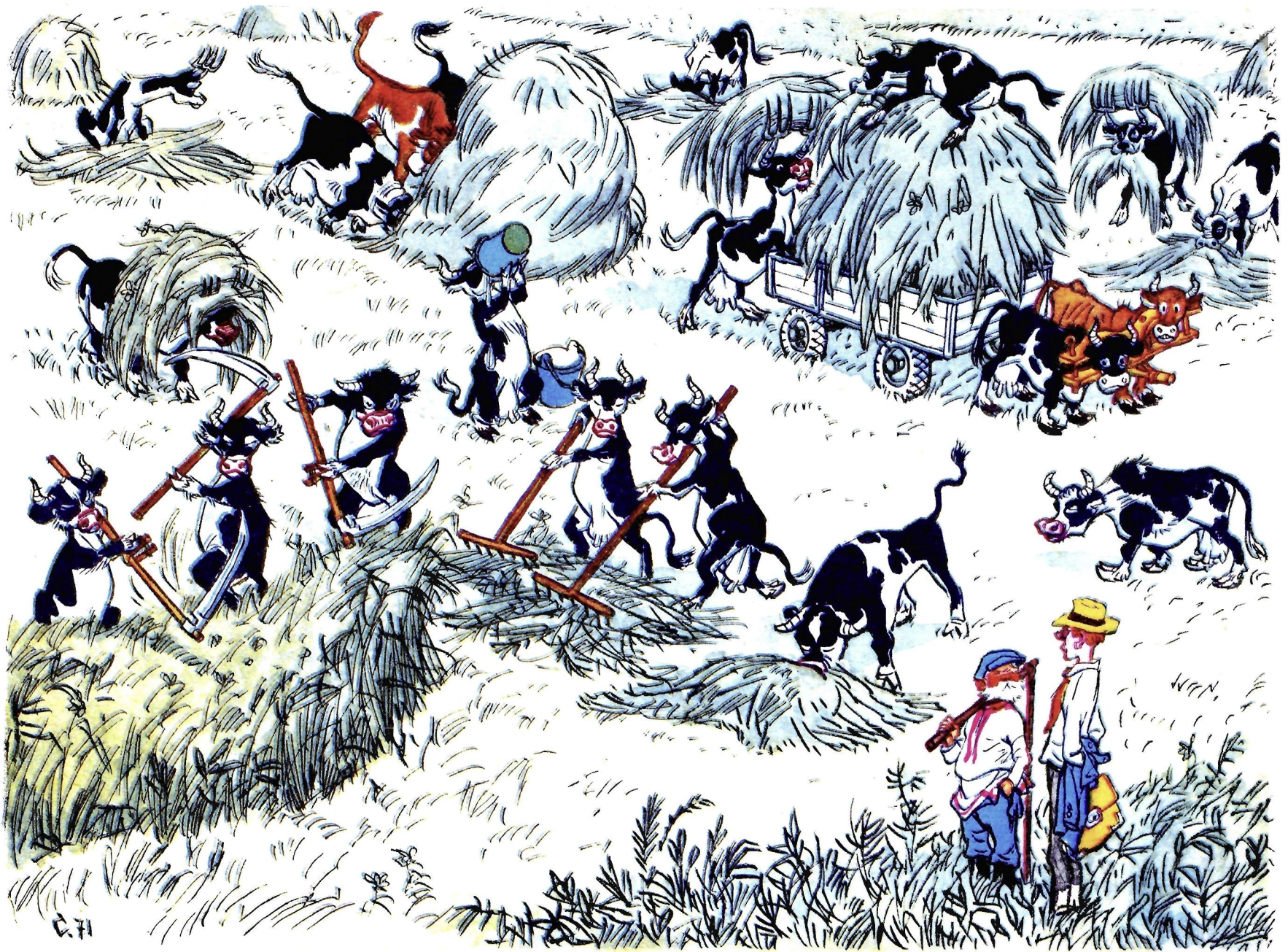

— Несчастный мальчик! Он никогда не видел своего папы!

Рисунок Е. ШУКАЕВА

— Как вы сумели их так выдрессировать?
 — Очень просто: оставили в прошлом году без кормов...

Рисунок И. СЕМЕНОВА

В деканат педагогического института вошел вчерашний студент Геннадий Васьков. На его груди сверкал ромбик с изображением раскрытой книги. А из кармана, куда Васьков положил только что полученный диплом, еще шел запах типографского клея.

— Что вы хотели, Васьков? — спросил декан.

— Мне бы характеристику...

— Вчера же всем выпускникам раздали! — сказал декан. — Вы разве не получили?

— Получил.

— Ну, так в чем же дело?

— Что-то у всех характеристики как близнецы, — нерешительно ответил Геннадий. — И слишком, как мне показалось, сладкие...

— Всем нравятся, — с упреком заметил декан, — а вам нет!

— Судя по характеристике, — сказал Васьков, — я ангел, а не бывший студент Васьков, который...

— Хорошо! — перебил его декан. — Пишите тогда сами!

— Как? На самого себя?

— А что?

— Неудобно как-то...

— Ничего! Вот образец.

Через несколько минут Васьков сидел в свободной аудитории и, хмурясь, изучал шаблонный образец характеристики, который гласил:

«Товарищ... окончил педагогиче-

ДВЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Артур ДЖАЛАН

ский институт успешно. За годы учебы показал себя способным, дисциплинированным, исполнительным студентом. Аккуратно платил взносы. Активно участвовал в общественной жизни. Играл на балалайке. Дважды прыгал с парашютом. Занимался в кружке вязания, кройки и шитья. Большой друг детей и животных. Посещал музеи. Был центральным нападающим институтской футбольной команды. Участник хора, народных танцев. Член профсоюза. Надежный товарищ, пользуется уважением в коллективе. Товарищ... рекомендуется учителем и направляется в вашу сельскую школу... Подписи...»

Через полчаса упорного творческого труда Васьков снова вырос перед столом руководителя.

— Вот, написал, — сказал он и положил на стол свой вариант характеристики:

«Товарищ Васьков Г. С. учился плохо. В самостоятельности не занимался. Спортом тоже. На балалайке не играет. Не любит детей и животных. Музеи не посещал. В хоре не участвовал и не знает народных танцев. Уважением не пользовался, из-за тяжелого характера часто имел конфликты с окружающими... Рекомендуется учителем и направляется в вашу сельскую школу... Подписи...»

Декан несколько раз прошелся по

бумаге в разных направлениях, словно сапер по минному полю.

— Оригинальничать решили, да? — саркастически заметил он, сверля колючим взглядом своего питомца.

Питомец молча смотрел на свое греховное произведение, над которым повисла авторучка декана.

— Ну что ж, я подпишу, — сказал декан, ехидно улыбаясь, и, небрежно черкнув свою подпись, продолжал: — Но с этой, извините, дурацкой путевкой в жизнь вы будете в новом коллективе, как белая ворона. Ни пуха, ни пера!..

— К черту! — шепнул Васьков. — Надеюсь, мне не придется рассчитывать на уважение и доверие сельского коллектива, куда вы меня направяете. Меня как-то больше устраивает город.

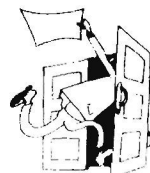
— Город тоже не раскроет вам объятия с этойкой скверной бумагой, — усмехнулся наставник.

— А это? — как флажком помаhal Васьков перед носом декана вчерашней ангельской характеристикой. — Это для города!

И поспешно вынырнул из кабинета изумленного декана.

— Вы негодяй! — крикнул декан ему вдогонку.

Но Васьков этого уже не слышал.

г. Уфа.

Б. ФИНИАСОВ,
специальный корреспондент Крокодила

АДМИНИСТРАТИВНЫМ ПУТЕМ

У председателя колхоза имени Кирова И. А. Кучерявого есть отличительная черта. Свои семейные дела и конфликты он любит улаживать административным путем.

Был, к примеру, случай, когда его супруга, разгневавшись на одну из работниц фермы, ударила ее сумкой по голове.

Председатель Кучерявый — сторонник крепкой семьи. Он не стал ни в чем укорять свою спутницу жизни, а во всем обвинил главного зоотехника А. Н. Гунькину. Дескать, она, Гунькина, сказала что-то такое его жене, отчего та стала размахивать сумкой и невзначай опустила ее не на ту голову.

И тов. Кучерявый принял меры.

Он вызвал Гунькину, стукнул кулаком по столу и сказал:

— Иди!

— Куда? — спросила Александра Николаевна.

— На все четыре. А не уйдешь добром — все равно выживу.

Или ты, или я.

Гунькина, плача, написала заявление, в котором просила освободить ее от занимаемой должности по состоянию здоровья. Председатель положил заявление в ящик письменного стола и сказал: «Обсудим».

Прошли положенные две недели. Потом месяц. Потом два месяца. Гунькина решила, что страсти Кучерявого улеглись, а заявление утратило силу за истечением срока давности. Но однажды председатель отправил ее на мясокомбинат сдавать свиней. Не успела она выехать с территории поселка, как председатель повелел созвать правление колхоза.

— Или я, или она! — сказал он собравшимся.

— Ты, — ответили присутствующие, изучившие нрав Кучерявого.

И лишь один робко заметил:

— Я, может быть, чего-то не понимаю, но Гунькина тоже член правления колхоза. Почему же мы решаем ее вопрос без нее?

В кабинете воцарилось молчание, а чего-то не понимающий товарищ продолжал:

— Гунькина была нашим делегатом на Всесоюзном съезде колхозников, она член областного и районного советов колхозов, участник ВДНХ. И недавно наш уважаемый председатель собственноручно написал ходатайство о присвоении ей звания «Заслуженный зоотехник РСФСР»...

— Или я, или она! — прервал выступавшего председатель.

Словом, А. Н. Гунькина, уехавшая вечером главным зоотехником, утром вернулась никем. Ей дали полный расчет, исключив тем самым даже из членов колхоза. Два с лишним месяца она не получала зарплаты. Лишь после вмешательства прокурора ей оплатили вынужденный прогул и предоставили работу. Но не главного, а рядового зоотехника. Документы же на заслуженного зоотехника задним числом отменили.

О крутом нраве Кучерявого знают не только в колхозе. Еще два года назад он был выведен из состава Тацинского райкома партии «за грубость, чванство, пренебрежительно-барское отношение к членам райкома и товарищам по работе». Но и после этого И. А. Кучерявый не изменил свою воспитательную методику, продолжал сводить личные счеты административным путем.

Правда, его еще раз одернули. За грубость к подчиненным, волокиту в рассмотрении жалоб Кучерявому был объявлен строгий выговор по партийной линии. А он и тут не пал духом. За свой один выговор объявил Гунькиной сразу два. А когда вынужден был их снимать, довел женщину до сердечного приступа.

За Кучерявым утвердилась репутация крепкого хозяйственника. Хозяйство и вправду крепкое. Но это заслуга всего колхоза. В том числе и Гунькиной.

Но Гунькина крепко проштрафилась. Она сказала кое-что волнующее жене председателя, отчего та стала размахивать сумкой...

А что из этого получилось, вы уже знаете.

Ростовская область.

— Надо принять меры!

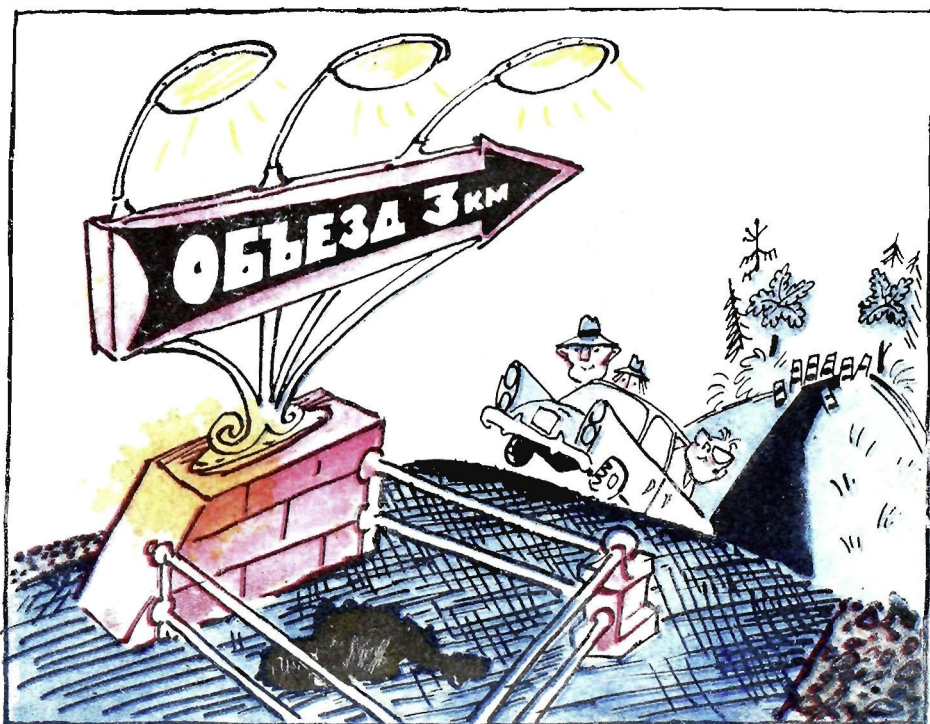
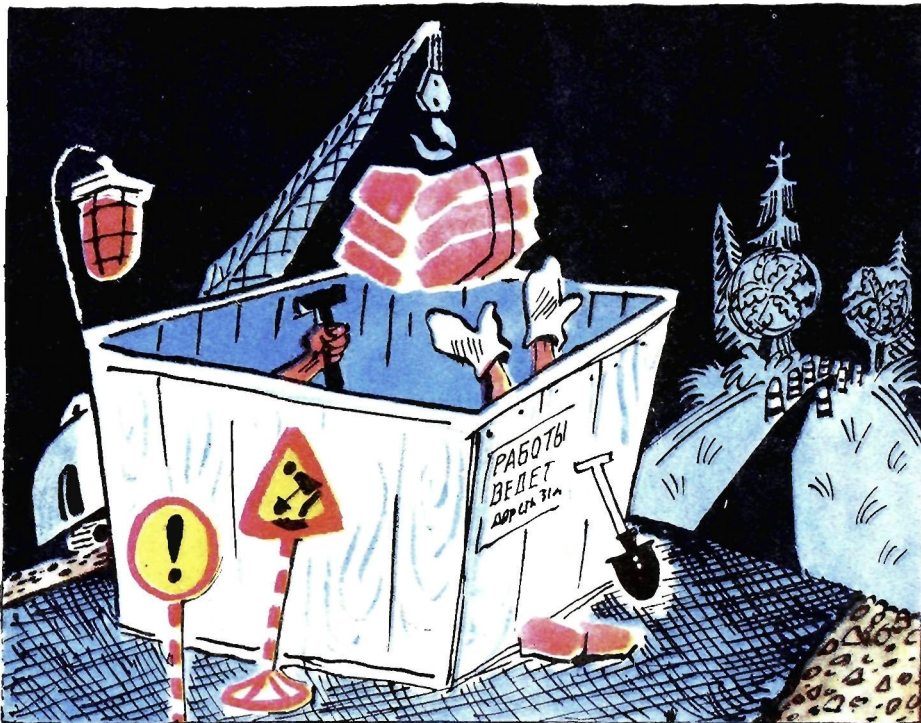

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

Ох, уж эти извозчики!

В комедии Фонвизина госпожа Простакова, услышав, что на свете существует география, заявила:

— Ах, мой батюшка! Да извозчики-то на что ж? Это их дело... только снажи: повези меня туда, свезут, куда изволишь.

Прошло два с лишним века с тех пор, как был написан «Недоросль». Извозчики сохранились только кое-где для экзотики. Их сменили железные дороги, которые и вас и вещи ваши в любой момент «свезут, куда изволишь».

Гражданка Г. Круненко из города Кривой Рог переезжала в Чарджоу. Надо было забрать с собой телевизор, мебель, одежду, кастрюли и прочие причиндалы. В контейнер вместились все, даже урожай с огорода.

Поехали. Контейнер — в грузовом поезде, а его хозяйка — пассажирским образом. Прибыв на станцию — Амударьинская, гражданка Круненко начала наведываться к местным железнодорожникам и спрашивать о своем контейнере. На это железнодорожники разводили руками и говорили, что контейнер, возможно, еще в пути.

А тем временем в Москве, на станции Гражданская, люди ломали голову над вопросом: зачем им доставили со станции Амударьинская контейнер № 802196 с вещами какой-то Круненко? Да еще без контрольной пломбы!

Созвали комиссию, проверили содержимое. Не хватало лишь одного ящика с обувью. Порадовавшись такой малой потере, свалили все в ту же тару и отправили обратно к своим среднеазиатским коллегам за четыре тысячи километров. Современные извозчики везли не очень скоро. Что стало с овощами в конце этого двойного пробега — догадайтесь сами.

— Слава богу, есть на свете контейнеры! В них мои вещи доставят, куда я пожелаю, — рассудила и Т. Сулова, переезжавшая из Бухары в Краснодар.

— Все пути ведут в Москву! — рассудили «извозчики» станции Бухара. И вместо Краснодара загнали контейнер в столицу, снабдив его точным адресом: «Парфюмерная фабрика «Свобода». Крюк получился совсем невеликий: 1700 километров.

Работники станции Иман-1 Дальневосточной железной дороги должны были отправить контейнер с мужскими верхними рубашками в Хабаровск.

— Ну, что это за расстояние — 300 километров! — огорчились дальневосточные «извозчики».

И контейнер поехал за 9 тысяч километров! Опять же в Москву.

Особенно часто шлет грузы контейнерами в Москву Казахстанская дорога. Целиноградцы прислали сюда обувь и мужские брюки. Из Гурьева прибыла детская обувь. Кустаканай одарил столицу полотенцами. Усть-Каменогорск — олифой и лаком. В общем, чем богаты, тем и рады. Караганда, Кокчетав, станция Державинская — все они прислали москвичам посильные дары. Хотя дары эти предназначались совсем другим населенным пунктам.

Рекорд по таким вот, мягко выражаясь, неразумным перевозкам побил контейнер № 809289 с телевизорами «Темп-6», которые были предназначены для магаданцев, а волею дальневосточных железнодорожников попали снова в Москву. Контейнер-рекордист пропутешествовал лишних 18 тысяч километров!

Если бы госпоже Простаковой прокатили таким образом, она бы в гневе сказала:

— Пусть, мой батюшка, не своевольничают, а везут, куда требуется. На то есть наука еорграфия. И всякой извозчик, будь то на лошадях или на чем другом, знать ее повинен.

А. ЗАПЫЛАЕВ,
Л. АЛЕКСАНДРОВА

НЕИСПОВЕДИМЫ
ПУТИ ГОСПОДНИ...
(железнодорожный вариант)

КУКУРЫНЬКЫ-Ц

МИМОХОДОМ

С его души упал камень, разбивший сердце другому.

Безлюдный фонд, а сколько иждивенцев!

Ниже своего достоинства он пока не опускался.

В памяти потомков он сохранится как пережиток прошлого.

Избавиться от своих старых ошибок ему помогли новые.

Магазин обокрали так чисто, что собаке-ищейке нечего было даже понюхать.

А. СЕМЕНОВ

Он прислушивался не к тому, что говорили, а к тому, что не договаривали.

В. БРОДОВ

— Два сапога, а не пара! — удивился бракодел, взглянув на свою продукцию.

Н. ВЛАДИМИРОВ

Колхозную тему в репертуаре театров корова языком слизнула.

Мы не можем ждать милостей от природы после того, что с ней сделали.

В. КОНЯХИН

НЕ ПРОПАДАЙ!..

В кабинете директора базы спорттоваров Самойлюка раздался телефонный звонок, и чай-то простуженный голос прохрипел:

— Здорово!

— Здравствуйте. Кто это?

— Не узнаешь? Стыдно, дружище!

Бас закашлялся, а Самойлюк нетерпеливо сказал:

— У меня дел по горло, товарищ. Вы или назовитесь, или...

— Ну, ты всегда занят, еще со школьной скамьи. Так уж и быть: Гремякин это.

— Витька?!

— Он самый.

— Ах ты черт косолапый! Не узнал!

— Из автомата звоню, с вокзала. Только приехал, и вот сразу — к тебе.

— Ну и молодец! Надолго?

— Не знаю. За назначением новым. Может, на день, а может, и навсегда.

— Вот было бы здорово! Ты, значит, устравняйся и звони. Главное, не пропадай. Ладно?

Самойлюк повесил трубку, задумался на минутку, вспомнив далекие школьные годы, юность свою, друга Витьку...

Но помечтать всласть не дали. Сначала сообщили, что прибыли лыжи без палок. Потом выяснилось, что палки загнали совсем не на ту базу. Затем явились сотрудники составить заявку в снабженческое управление, и Самойлюк утонул в делах, забыв обо всем на свете.

Заявка, впрочем, не доставляла особых хлопот: ее регулярно готовили по раз навсегда заведенному правилу.

— Итак, — говорил Самойлюк, — сколько нам нужно ракеток для бадминтона?

— Да штук триста, не меньше.

— Угу. Пишите пятьсот. Все равно срежут. А волейбольных сеток?

— Сто семьдесят хватит, пожалуй.

— Значит, двести. Гантелей? Шестьдесят пар? Сто для круглого счета.

Дня через три утром в его кабинет вбежал взволнованный сотрудник.

— Заявку-то нашу удовлетворили!

— Ну и что, — спокойно сказал Самойлюк, — первый раз, что ли?

— Да, но на этот раз ее удовлетворили полностью!

— Как так? — вскопчил Самойлюк. — Не может такого быть!

— А вы сами взгляните.

Самойлюк взглянул и схватился за голову.

— Куда же девать столько товару? Что они там, обалдели?

Весь день Самойлюк с помощниками уговаривали директоров магазинов:

— Слушайте, есть замечательные футбольные камеры. Хотите, надуем? Нет, не вас — камеры! Не надо? Свои девать некуда? Ясенько...

— Ну, а вот вы выручите, возьмите товарчик. Взяли уже? А еще? Если не в магазин, то, возможно, знакомым каким-нибудь или для своей семьи. Гирями можно вколачивать гвозди. На волейбольную сетку белье вешать. Ракеткой взбивать большой гоголь-моголь...

Но товар упорно не брали, и Самойлюк был буквально в отчаянии. В самый разгар неприятностей позвонил Гремякин.

— Привет!

— А, опять ты, — процедил Самойлюк.

— Что такой грустный?

— Беда. С товарами полная неразбериха!

— Неужели? Странно... Я уверен был — полный ажур.

— У тебя-то откуда такая уверенность?

— Так ведь заявку твою кто удовлетворил? Я.

— Брось шутить...

— Серьезно. Как получил назначение начальником снабжения, так сразу и за дела. Гляжу, заявка твоя лежит. Ну, я точно по списку, сколько просил... Может, еще подбросить?

— О господи! — простонал Самойлюк.

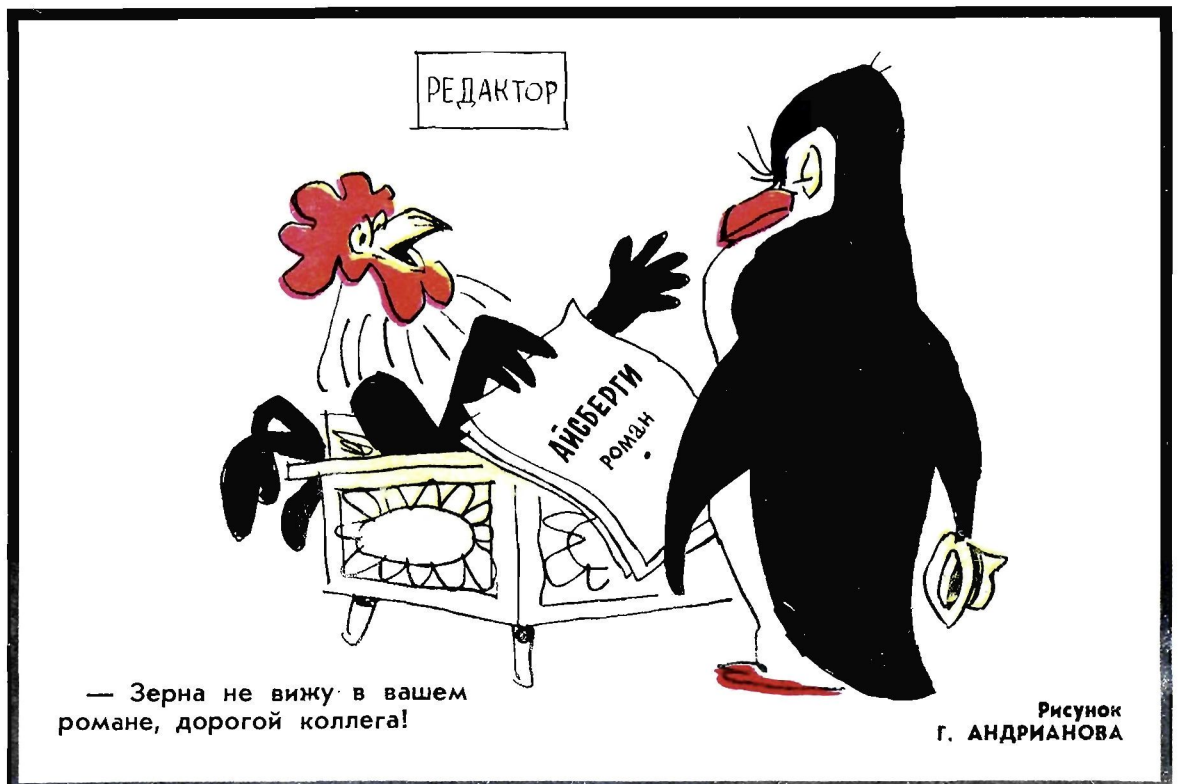
— Так как насчет встречи нашей? — весело продолжал Гремякин. — Вроде бы договаривались...

— Знаешь что, — сказал Самойлюк, — я тут разберусь окончательно, выберу время и тогда уж... сам позвоню. Хорошо?

— Заметано! Жду! — воскликнул Гремякин и добавил с усмешкой: — Ты только не пропадай.

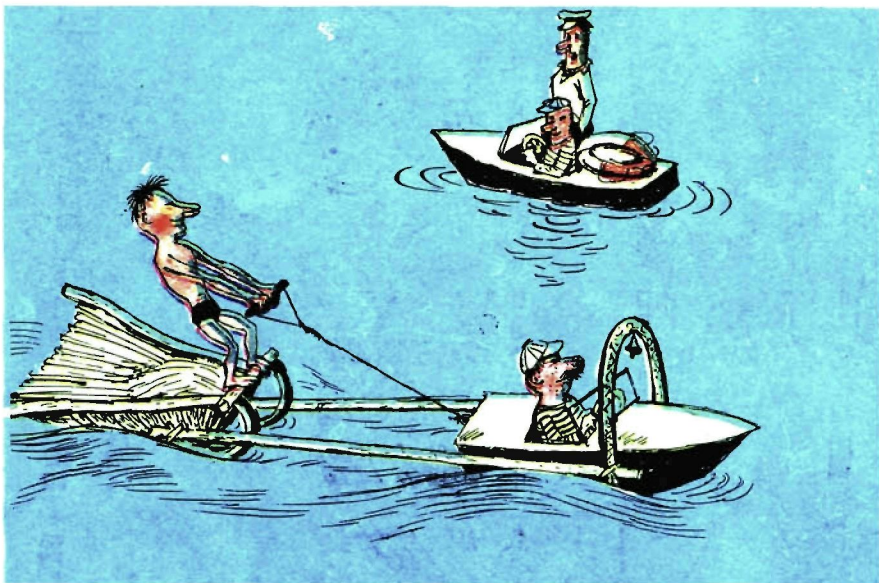
— А мне, пожалуйста, одну бутылку: я еду за город только на один день...

— Зерна не вижу в вашем романе, дорогой коллега!

Рисунок
Г. АНДРИАНОВА

ЛЕТНИЕ СТРАНИЦЫ

— Сколько раз писали в район, чтобы прислали водные лыжи!

Рисунок
Ю. АНДРЕЕВА

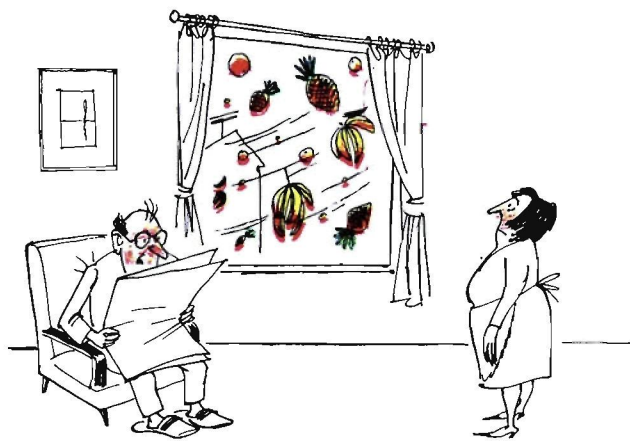
— Мне прописаны морские ванны!

Рисунок
И. СЫЧЕВА

— Вот таким манером второй день рыбу глушит...

Рисунок
В. СПЕЛЬНИКОВА

— Пишут, что надвигается какой-то тропический ураган...

Рисунок
А. АЛЕШИЧЕВА

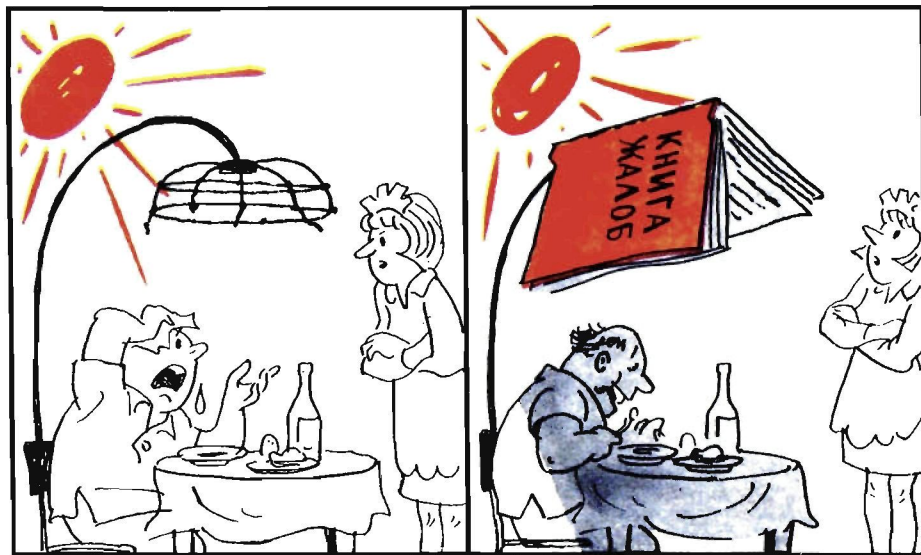
Юрий БЛАГОВ

Утро в деревне

С утра в избе звучит Москва,
А рядом — местный звук.
В светлице слышно: «Раз-и-два...»
В сарае — «Тюк да тюк...»

Перелетают через тын
«Тюк-тюк» да «раз-и-два...»
Зарядку начал делать сын,
А мать — колоть дрова...

Рисунок В. ЖАРИНОВА

— Дайте жалобную книгу!

С. ДОВЛАТОВ

— Нет,— сказала Зиночка из параллельной группы,— мы останемся друзьями.

Студент Федя Чирсков печально вздохнул, опустил глаза, повернулся и пошел прочь.

«Теперь все ясно,— думал он,— пойду и утоплюсь».

То есть идеально было бы сначала утопиться, а потом прийти к той же Зиночке и сказать:

— Полюбуйся, что ты натворила, жестокая!

Но Федя знал: хотя подобная идея с незапамятных времен владела умами всех отвергнутых влюбленных, в полной мере осуществить ее никому почему-то не удавалось. Федя направился к реке твердым, решительным шагом.

«Где бы тут как следует утопиться?» — думал он, проходя вдоль пожелтевших кустов орешника.

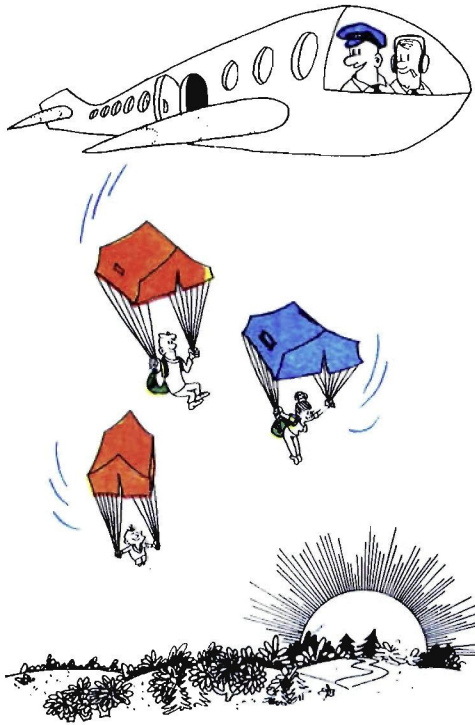
Выбрав место по душе, он скинул брюки, джемпер, носки и берет, еще раз помянул Зиночку укори-

ненным словом и ступил в ледяную воду.

— Бр-р, какой холод! — воскликнул он, потом пренебрег метеорологическим фактором и двинулся на середину реки.

Он шел и вспоминал те слова, которые произнесла Зиночка во время их последней встречи:

«Вы, Федя, человек неплохой, но какой-то обыкновенный. А я смогу полюбить лишь героя, совершившего подвиг».

— Попросили сбросить над каким-нибудь безлюдным местом.

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

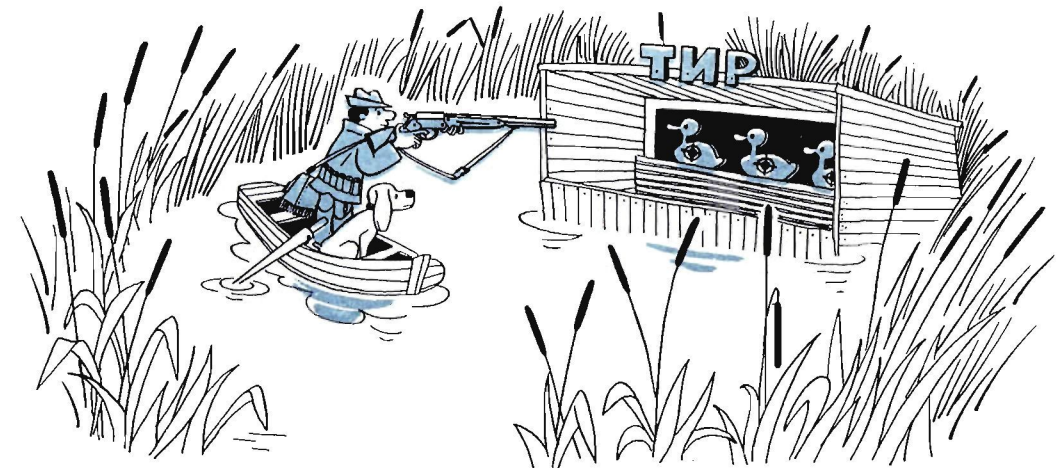

Рисунок С. СПАСКОГО

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

«Нет,— подумал студент,— совершать подвиги не мой удел».

И он шагнул вперед.

Вода уже доходила Феде до подбородка, и юноша хотел было погрузиться навек в темные глубины, как вдруг услышал шум на берегу.

Он оглянулся.

Из кустов вышел незнакомец и медленно, воровски озираясь, направился к Фединой одежде. Вот он схватил Федины брюки и так же медленно повернул обратно.

— Мои единственные брюки! — возмущенно крикнул Федя. — Положи назад, негодяй!

Вор сорвался с места и побежал. Федя, поднимая фонтаны брызг, кинулся за ним.

Вор бежал с огромной скоростью. Брюки развеялись по ветру. Но ледяная ванна придавала Феде силы. Он настигал.

Вдруг из-за поворота выехал на мотоцикле старшина милиции Сюзьбянов, который давно уже сле-

дил за воров. Он поставил машину поперек дороги, расстегнул кобурку и громовым голосом воскликнул: — Брюки вверх!

И в этот миг Федя Чирсков схватил прохвоста за шиворот.

А еще через минуту они мчались на мотоцикле в районное отделение милиции. Вор сидел в коляске, плакал и божился:

— Я ведь их только почистить хотел, отутюжить и вернуть.

На следующий день в газете появ-

вилась заметка под рубрикой «Так поступают студенты газотопливного техникума». В ней было сказано, что Федя Чирсков, «направлявшийся к реке по личному делу, задержал матерого жулика и рецидивиста».

В тот же день Федя встретил в буфете Зиночку. Она подошла к нему и смущенно сказала:

— Как вам не стыдно, Федя, вы не звонили мне целую вечность!

г. Ленинград

Казус

Из рассказов старожилки
П. С. НЕНАРОКОВА

— Напрасно вы, Капитон Власевич, пришиваете мне вашу гулю. Эта гуля не моя работа. Она — дело рук вашей супруги Серафимы Аркадьевны, которой я и прошу передать мой привет, пожелание успеха в работе и счастья в личной жизни.

Обстоятельства дела шофера Сергея П-ва, как показал судебный разбор, весьма просты и сами по себе казуса не представляют. Капитону Власевичу, директору «Сплавснаба», приглянулась красивая жена Сергея. Отправив шофера в служебную командировку в областной центр, — нужно было срочно доставить туда какие-то важные отчетные бумаги, — Капитон Власевич тут же заглянул к его жене с букетом цветов в руке и с бутылкой коньяку в кармане. А у мужа при выезде из города что-то случилось с карбюратором машины, и он вернулся домой, намереваясь у себя во дворе, в спокойной обстановке, наладить мотор. Зайдя в дом и застав в комнате нежданного гостя с коньяком и цветами и обескураженную Катюшу, оскорбленный Сережа схватил палку от швабры и отомстил за покушение на свою мужскую честь так, как описано выше.

Надо сказать, что вначале сочувствие всех присутствовавших в зале суда при разборе казуса было на стороне ранее не судимого шофера Сережи. В особенности после того, как его защитник-адвокат удачно вернул, что, дескать, во Франции даже за убийство из ревности убийцу оправдывают. Конечно, нам незачем равняться на порядки в капиталистических странах, но тем не менее все считали, что похотливый ловелас Капитон заслужил свои легкие телесные синяки и наказывать оскорбленного мужа не надо. Однако потом настроение в зале изменилось. И не в пользу шофера Сережи. Желая выгородить себя и окончательно утопить ловеласа Капитона, он достал из кармана штанов бумагу и огласил адреса других жен (причем не только жен сотрудников «Сплавснаба», но и жен работников других ведомств), которых посещал блудливый Капитон, когда их мужья отбывали в служебные командировки.

— У меня, граждане судьи, все в глазах помутилось, когда я увидел цветы в вазе и коньяк на столе! — сказал, потрясая донжуанским списком Капитона, оскорбленный муж Сережа. — Я его повадки знаю! Он всегда цветы и коньяк брал, когда ездил со мной на служебной «Волге» по этим адресам. Прошу советский суд сурово покарать этого блудодея за аморальные нарушения морального кодекса.

Судьи переглянулись и ничего не сказали. А потом вынесли свой приговор: шоферу дали шесть месяцев принудительных работ, а блудодея Капитона предложили разобрать в общественном порядке в коллективе «Сплавснаба».

После оглашения приговора мнения присутствующих в зале суда разделились.

Завязались горячие споры. Одни говорят: «Неправильно, что шофера закатали. Он оскорбленный, его надо было условно осудить». Другие им вторят: «Надо было не Сережу осудить, а его Екатерину «Великую».

В спорах участвовали и присутствующие женщины, причем в своеобразной, я бы сказал, рукословной форме. Одна дамочка из числа тех, кого шофер Сережа включил в оглашенный им на суде донжуанский список ловеласа Капитона, — подошла к Сереже и громко, чтобы все слышали, сказала:

— За другие адреса я не отвечаю, но персонально к нам в дом Капитон Власевич приезжал с цветами и коньяком на семейное торжество — на день рождения мужа. Я могу двадцать два свидетеля выставить! За то, что вы меня тут публично грязью облили, я вас публично же наказываю.

Сказала и вклеила ранее не судимому Сереже довольно звонкую пощечину, а вклеив, прибавила:

— Можете на меня теперь жаловаться в этот же суд!

В общем, казус наскочил на казус!

Если вы, товарищ писатель, хотите знать мое мнение, то я считаю, что суд вынес правильный приговор, потому что в данном случае на весах морали оскорбленный муж потянул столько же, сколько и его оскорбилитель.

— А вот здесь я могу вам дать интервью!

Рисунок
Л. САМОЙЛОВА

Несмотря на то, что США торжественно объявили о передаче Японии административных прав по управлению Окинавой, американская военщина сохраняет в своих руках все крупнейшие базы на этом острове.

